

Фольклор

Фольклор чукчей характеризуется разнообразием жанров, сюжетов, образов. В.Г. Богораз выделил следующие его жанры: мифы о сотворении земли, солнца, луны, человека, животных, о различных божествах ("начала творения вести"); сказки о чудовищах кэле; шаманские рассказы; бытовые сказки; предания о военных столкновениях чукчей с коряками, юкагирами, эскимосами, русскими ("времен раздоров вести"); сказки о животных; заговоры; песни.

Вельвин Г.И., носитель традиционной культуры чукотского, эвенского, юкагирского народов.

Что же касается других жанров, то Богораз отметил, что в фольклоре оленных чукчей совершенно отсутствуют загадки, "пословиц... тоже мало, и они не совершенно дифференцировались от обыкновенной речи. Больше распространение имеют скороговорки, уже потому, что они носят в себе элемент состязания, который в любом виде возбуждает у чукчей страстный интерес" (Богораз, 1900. С. XXXV).

В космогонических мифах о происхождении солнца, света, луны культурными героями выступают люди, птицы, звери. Многие образы и сюжеты чукотских мифов аналогичны таковым у соседних народов. Так, "предание о приморской женщине - создательнице людей, оленьих стад, морских животных, жилищ имеет широкое распространение как у приморских чукчей, так и у азиатских эскимосов" (Сказки и мифы..., 1974. С. 611).

Образ ворона, по-разному представленный в мифах и сказках чукчей, встречается в мифологии всех палеоазиатов Северо-Востока. Но у чукчей он имеет свои характерные черты. Как отмечал Г.А. Меновщиков, «мифический культурный герой чукотских космогонических преданий - ворон, добывающий солнце, луну и звезды, клювом продалбливающий небесную твердь, чтобы взошла заря, предстает более устойчивым творцом, чем ительменский Кутх и корякский Куткыннеку.

Вполне вероятно, что это еще тот безымянный и общий чукотско-камчатский ворон-творец, который предшествовал Кутху-Куткыннеку. Что же касается вороньего персонажа чукотских

сказок о животных, то в них его мифическая миссия, как и в корякско-ительменских сказках этого типа, снижена также до простака и шута. Судя по сходству многих сюжетов вороньих сказок, ворон Кутх - простак, шут и обманщик ("трикстер") - пришел, как мы предполагаем, в чукотский фольклор из корякско-ительменского, тогда как безымянный ворон-творец, наиболее отчетливо выраженный, по данным Богораза, в чукотском фольклоре, восходит к общему палеоазиатско-американскому региону» (Меновщиков, 191 А. С. 21).

В сказках о чудовищах кэле эти вредоносные существа предстают, как "грубые и глупые великаны, живущие за морем или на уединенных островах, большей частью в одиночку" (Богораз, 1900). Герой побеждает кэле благодаря своей силе, уму, находчивости, причем имя героя в сказке редко называется: "обычно это "оленовод", "человек", "мужчина", "старичок", "девушка", "сирота", "младший сын", "шаман" (Меновщиков, 1914. С. 29). Борьба со злыми существами герою помогают "животные - покровители", добрые духи-"хозяева", чудесные предметы, каковыми в фольклоре народов Чукотки и Камчатки выступают "мяч, уголек, кремь, выбивалка, летающие лодки (каяки, байдары), стрела, травинка, нож, лыжи, посох, гребешок, шкатулка, мешочки, лучина, мизинец, бубен, рукавица, шапка, кухлянка, отверстие в землянке, мухоморы, ягоды, мертвая голова (череп)" (Там же. С. 28).

По мнению В.Г. Богораза, "в значительной части рассказов о злых духах кэле фантастический элемент настолько ничтожен, что почти не замаскировывает первоначальную основу реальных этнографических представлений о враждебных племенах" (Богораз, 1900. С. VI).

В фольклоре о шаманах повествуется об их общении с духами, о состязаниях шаманов и о борьбе их между собой, о чудесном излечении ими больных, об их путешествиях в иные миры, о шаманских видениях, предсказаниях, превращениях. Шаманы превращаются в животных, в различные предметы, становятся невидимыми, меняют облик других людей. Есть рассказы, где шаманы, шутки ради, превращают своих собеседников в лилипутов и помещают их в курительную трубку или в ложку.

Бытовые сказки у чукчей распространены более, чем у других палеоазиатов Северо-Востока. Они «имеют очень слабую сюжетную основу, которая подчиняется... необходимости быть...

эстетической, художественной, образной оправой для прямого поучения, изложения этических норм: "надо делать так и так, но не так" (Сказки Чукотки, 1958. С. 14). Особо выделяется в чукотском фольклоре жанр героических сказаний (Беликов, 1965. С. 154-169). Произведения этого жанра повествуют преимущественно о борьбе чукчей с иноплеменниками. Основные отличительные признаки героических сказаний - "прославление богатырской силы, ловкости и храбрости героя, его победоносной борьбы с врагами племени, общины или семьи, безусловной преданности своему народу, подчеркивание социальной значимости борьбы героя, сугубо правдивое изображение деталей быта, одежды, вооружения, неустанных физических упражнений героя в силе и ловкости, красочное описание поединков героя с вражескими богатырями или целыми отрядами врагов, исключение из действий героя чудесных помощников и преобладание в повествовании о нем правдивых элементов над фантастическими» (Меновщиков, 1974. С. 38).

В мифах и сказках о животных ярко отражается мировоззрение чукчей, согласно которому человек не отделял себя от окружающей природы. Он в той или иной форме объединял себя с животными: вступал с ними в брачные связи, перевоплощался в зверя, вел с животными равноправные поединки-игры увичвэт, в которых всегда одерживал победу (История и культура чукчей, 1987. С. 254).

Популярны фольклорные образы зверей-великанов. Таковым предстает, например, гигантский восьминогий белый медведь-людоед Кочатко с телом из твердой кости. "В непогожие ночи он ложится на брюхо посреди ледяного поля, манит лапами и приманивает к себе прохожих. Он зовет плачущим голосом, подражая путнику, потерявшему дорогу. Тот, кто услышит его голос и приблизится к чудовищу, тотчас будет схвачен и растерзан" (Богораз, 1939. С. 37).

В чукотских мифах белые медведи имеют человеческие лица, живут как люди в снежных или меховых жилищах. Это полумедведи-полулюди, с человеческим разумом и речью. В записях В.Г. Богораза встречаются мифы о брачных связях человека с белой медведицей, о том, как медведица рождает человеку детей и уносит их в свою страну.

Дифференциация хозяйства чукчей на оленеводство и морской промысел не могла не отразиться на характере чукотского

фольклора. В мифологию чукчей начинает проникать разнообразная морская фантастика, сюжеты, связанные с морскими путешествиями. Герои чукотских сказаний отправляются в морские путешествия по разным поводам: в поисках похищенной жены или сестры, на выручку младшим братьям, попавшим в плен к людоедам на чужом берегу. В пути они попадают в бурю, преодолевают скалы, поддерживающие небо, которые, то размыкаются, создавая ветер, то смыкаются, множество других необычных препятствий.

Распространенными персонажами чукотского фольклора становятся морские промысловые животные - кит, нерпа и др. Для большинства таких сюжетов характерно очеловечивание морских животных. Таков, например, миф о девушке, которую отец и братья за отказ стать женой подвешивают вниз головой на обрывистом утесе. Когда ремень, на котором висела девушка, обрывается, героиня падает в море, попадает к моржам и начинается ее вторая жизнь - жизнь хозяйки моржовой страны. Другой распространенный мотив - брачные связи человека с морскими животными: охотник вступает в брак с нерпой, а когда люди убивают ее, человек предается отчаянию; кит становится мужем девушки, она рождает от него сына-китенка, которого кормит грудью. В более поздних мифах переходного типа, с элементами сказки, появляется даже "китовый народ" р̄эврэмкын, который живет глубоко в море. Человек, нырнувший в море, берет в жены "китовую женщину", которую ему предлагают сами киты.

Новым общественным отношениям приморских чукчей и оленеводов, по мнению Г. А. Меновщикова, обязана трансформация в чукотском фольклоре темы о сироте ейвэл. Если в ранних сказках сохраняется доброжелательное отношение родственников и соседей к сиротам (их принимают в семью, помогают становиться сильными и смелыми), то в сказаниях позднего периода господствующим становится социальный аспект: с зарождением имущественного неравенства среди приморских охотников и оленеводов героические подвиги сироты направлены против насилия и несправедливости {Меновщиков, 1974. С. 37}. В одних сюжетах сирота добивается всего сам, в других ему помогают животные. Помощь животных человеку - обычный и распространенный мотив в чукотских мифах.

Одним из самых распространенным жанров фольклора чукчей были заговоры (заклинания). В.Г. Богораз писал, что "нет ни одного

чукчи, который бы не имел по крайней мере один или два" заговора (Богораз, 1900. С. 26). "Нет ни одного момента в жизни, нет ни одного действия, которое считалось бы слишком незначительным для того, чтобы не сопровождаться особым заклинанием. Человек, едущий на оленях, употребляет заговор, чтобы сократить путь. Голодный человек, который ест вместе с кем-нибудь из одного блюда, старается заклинаниями сделать движения своего товарища более медленными, чем свои. Женщины обращают заклинания к своим сухожильным ниткам, чтобы сделать их прочнее.

Человек, забывший магическую формулу, прибегает к заклинанию, помогающему вспомнить ее. Очень много заклинаний относится к любви. Большое число заклинаний относится к лечению болезней" (Богораз, 1939. С. 107). Множество заговоров было связано с оленеводством: «Каждый стадовладелец имеет свои особые заговоры, которые составляют основу его оленного счастья... Заговоры тщательно сохраняются в тайне, так как, сделавшись известными другому лицу, они немедленно теряют силу. Однако они могут быть передаваемы за плату или по благорасположению (Богораз, 1900. С. XXXIV)

Среди многих текстов шаманских заговоров В.Г. Богораз приводит "Заклинание, приводящее обратно умирающих людей": "Когда я хочу задержать уходящего в страну мертвых, я превращаю свой мизинец в умирающего и крепко держу его рукой. Когда он хочет уйти, я держу его, перехватываю его на дороге. Я лаю, как собака, и заставляю его вернуться. Я превращаю его душу в плавучее дерево, я дую изо всех сил, как большой ветер, и подгоняю его к берегу. Я гоню его своим дыханием по направлению к земле: "Qato, quato, quato!" Я схвачу дерево за корни и вытащу на берег» (Богораз, 1939. С. 173). Другое заклинание предназначено защитить человека от злого духа: «Если я боюсь нападения kelet, когда я сплю одиноко, я говорю: "Я делаю себя маленьким камнем. Я вхожу в камень. Он лежит на морском берегу. Разные ветры дуют на него, многие волны омывают его. Я невредим"» (Там же. С. 167).

Чукотский фольклор, создаваемый в течение тысячелетий, стал основой, на которой в советское время сформировалась и развивалась художественная литература чукчей. В 1940 г. в Ленинграде на чукотском и русском языках выходит книга Тынэтэгына (Федор Тинетев, 1920-1940) "Чавчывалымнылтэ"

(Сказки чаучу) - первые образцы чукотского фольклора, отраженные в художественной форме. В послевоенные годы через фольклор шли к широкому признанию своего таланта Антонина Кымытваль, Михаил Вальгиргин, Василий Ятгыргин, Владимир Тынескин, сумевшие соединить вековые традиции устного народного творчества своего народа с достижениями русской и мировой культуры.

Е.П. Батьянова, И.С. Вдовин, С.Ф. Карбанова, Н.В. Кочешков, В.А. Лыткин, В.А. Тураев
(из книги *Народы Северо-Востока Сибири*)